
УДК 81.23

ББК 81.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/69-78>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОНЕ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ В НARRATIVAX ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ О КОНКИСТЕ

Ю. А. Горностаева, Д. Ю. Волчкова

Сибирский федеральный университет

LANGUAGE MEANS OF CONSTRUCTION OF COLLECTIVE IDENTITY ON THE BACKGROUND OF CULTURAL TRAUMA IN LATIN AMERICAN NARRATIVES ABOUT THE CONQUEST

Yu. A. Gornostaeva, D. Yu. Volchkova

Siberian Federal University

Аннотация: статья посвящена проблеме выявления языковых средств конструирования коллективной идентичности на фоне культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте. Актуальность проблематики обусловлена усилившимися в последнее время антииспанскими настроениями, активно тиражируемыми в СМИ стран Латинской Америки, а также необходимостью изучения механизмов формирования коллективной идентичности, часто используемой в целях политического и экономического манипулирования и разжигания межнациональных конфликтов. Исследование характеризуется научной новизной в силу его междисциплинарного методологического подхода, предполагающего проведение нарративного анализа для изучения исторических и социальных событий конкисты как травмирующего события, которые транслируются через нарративы представителей латиноамериканской лингвокультуры и усиливают чувство их принадлежности к «неиспанской» социальной группе. Цель работы – выявить языковые средства формирования коллективной идентичности в нарративах носителей испанского языка из Латинской Америки. В качестве материала для анализа используются нарративные видеointервью с латиноамериканскими респондентами общей продолжительностью 61 минута. Работа осуществлена с помощью метода нарративного видеointервью и нарративного анализа языковой репрезентации культурной травмы. Результаты нарративного анализа показывают, что коллективная идентичность латиноамериканцев на фоне конкисты как культурной травмы формируется на эмоциональном, когнитивном и языковом уровнях. На эмоциональном уровне индивиды объединяются общими эмоциями гнева, грусти, скорби и сожаления. На языковом уровне актуализируется оппозиция «свой» – «чужой» при репрезентации латиноамериканской и испанской лингвокультур. Когнитивный уровень формирует новые базовые элементы культуры: ценность свободы, братства и единения народов латиноамериканского континента, особое мировоззрение, выделяющее латиноамериканцев в отдельный коллектив, появившийся в результате смешения испанской культуры с традициями и обычаями коренных народов Латинской Америки. Антииспанские культурные ориентиры приводят к интенсификации процесса реконструирования латиноамериканской коллективной идентичности, закрепляются в культурной памяти народа и передаются в форме доминирующих нарративов, транслирующих травматический опыт жертв испанской колонизации. Перспективна возможность исследования невербальных и просодических средств конструирования коллективной идентичности при помощи вспомогательного программного обеспечения *Elan* и *Praat*.

Ключевые слова: коллективная идентичность, культурная травма, нарратив, конкиста, Латинская Америка.

© Горностаева Ю. А., Волчкова Д. Ю., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Abstract: the article is devoted to the problem of identifying linguistic means of constructing collective identity against the background of cultural trauma in Latin American narratives about the conquest. The relevance of the study is due to the recent increase in anti-Spanish sentiments, actively replicated in the media of Latin American countries, as well as the need to study the mechanisms of formation of collective identity, often used for the purposes of political and economic manipulation and inciting interethnic conflicts. The study is characterized by scientific novelty due to its interdisciplinary methodological approach, which involves conducting narrative analysis to study the historical and social events of the conquest as a traumatic event, which are transmitted through the narratives of representatives of Latin American linguistic culture and strengthen their sense of belonging to a "non-Spanish" social group. The purpose of the study is to identify the linguistic mechanisms of collective identity formation in the narratives of Spanish speakers from Latin America. Narrative video interviews with Latin American respondents with a total duration of 61 minutes are used as material for analysis. The work was carried out using the method of narrative video interviews and narrative analysis of the linguistic representation of cultural trauma. The results of the narrative analysis show that the collective identity of Latin Americans against the backdrop of the conquest as a cultural trauma is formed at the emotional, cognitive and linguistic levels. At the emotional level, individuals are united by the common emotions of anger, sadness, grief and regret. At the linguistic level, the opposition "own" – "strange" is updated in the representation of Latin American and Spanish linguistic cultures. The cognitive level forms new basic elements of culture: the value of freedom, brotherhood and unity of the Latin American nations, a special worldview and attitude that distinguishes Latin Americans into a separate group that emerged as a result of mixing Spanish culture with the traditions and customs of the indigenous peoples of Latin America. Anti-Spanish cultural guidelines strengthen the process of reconstructing Latin American collective identity, are consolidated in the cultural memory of the people and are transmitted in the form of master narratives that convey the traumatic experience of the Spanish colonization's victims. It is promising to explore non-verbal and prosodic means of constructing collective identity using Elan and Praat software.

Key words: collective identity, cultural trauma, narrative, conquest, Latin America.

Введение

Идентичность человека состоит из множества социокультурных элементов, в числе которых также отмечаются язык и речь. Процесс формирования коллективной идентичности всегда усиливается на фоне некоего травмирующего события, которое дестабилизирует все сферы жизни общества, нарушая ключевые элементы культуры и неизбежно приводя к появлению культурной травмы. Особенности формирования коллективной идентичности с помощью единиц языка тесно связаны с исследованием коллективной памяти и становятся объектом изучения социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии и других смежных научных направлений.

Открытие Христофором Колумбом Нового Света в 1492 г. является важнейшим историческим событием не только для Испании и Латинской Америки, но и для всего мира. Вслед за первооткрывателями на новые земли отправились миссионеры и конкистадоры – испанские и португальские завоеватели Центральной и Южной Америки. Так, были заложены основы Испанской и Португальской колониальных империй, а также положено начало процессу колонизации [1]. Колонизация неизбежно привела к появлению культурной травмы у коренных народов завоеванного континента, а вслед за ними – и у жителей современной Латинской Америки, ввиду культурной памяти, аккумулирующей в себе коллективные, ценностно значимые воспоминания, которые намеренно транслируются в различных мифо-символических формах.

Научная новизна исследования определяется методологическим подходом, используемым для выявления языковых средств конструирования коллективной идентичности на фоне культурной травмы, вызванной испанской колонизацией, который предполагает проведение нарративного анализа для изучения исторических и социальных событий конкисты, транслируемых через нарративы представителей латиноамериканской лингвокультуры и усиливающих чувство их принадлежности к «неиспанской» социальной группе.

Объект исследования – процесс конструирования коллективной идентичности в нарративах представителей латиноамериканской лингвокультуры на фоне культурной травмы, вызванной испанской колонизацией. Предмет – языковые средства конструирования коллективной идентичности в нарративах представителей стран Латинской Америки.

Цель работы – выявить языковые средства конструирования коллективной идентичности в нарративах носителей испанского языка из Латинской Америки.

Материалы и методы

Материалом исследования являются нарративы респондентов из Латинской Америки (Эквадор, Перу и Чили), полученные в результате проведенного нарративного интервью об испанской колонизации, общщей продолжительностью 61 минута.

В рамках данного исследования использовались следующие **методы**: метод нарративного интервью,

нарративный анализ, лексико-семантический анализ, анализ словарных дефиниций, дискурсивный анализ.

Коллективная идентичность в рамках теории культурной травмы

Появление культурной травмы всегда обусловлено некоторым социально-значимым травмирующим событием, которое трансформирует жизнь определенной социальной группы и оставляет свой след в коллективной памяти народа, безвозвратно и фундаментально изменяя его культуру и обуславливая процесс формирования коллективной идентичности данного общества [2].

Культурная травма, с одной стороны, определяется как эмпирическая научная концепция, предлагающая новые значимые причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями [2, р. 12]; а с другой – как состояние, испытываемое социальной группой в результате разрушительных событий, культурно интерпретируемых как травмирующие [3, р. 458]. С лингвистической точки зрения, культурная травма – это исторический опыт группы или общества, связанный с последствиями травмирующего события, представленного в языке [4].

Общество как организованная система характеризуется взаимосвязью всех его элементов, поэтому травмирующие события в дополнение к своим разрушительным социальным последствиям приводят к кризису культуры и идеологической системы, а также находят отражение в коллективной памяти народа, формирующей его национальную идентичность [2]. Так, можно сделать вывод о том, что культурная травма реконструирует основы коллективной идентичности.

Исторические события приобретают статус травмирующих, если они внезапны и радикальны, нарушают материальную и поведенческую стабильность нации, подрывают индивидуальную безопасность человека, а вслед за ней – эмоциональные и культурные структуры, формирующие прочный каркас общества [2; 5]. Так, меняются социальные роли индивидов, трансформируются общественные институты, а также происходит перераспределение социальных групп и классов внутри уже сформированной общности [6].

Индивид может причислить себя к коллективу и идентифицировать себя как часть культуры, если разделяет ключевые элементы данной культуры, к которым относятся ценности, нормы, мировоззрения, верования, идеология, знания и эмпирические утверждения. Так, травмирующее событие переходит в статус культурной травмы и подавляет один или несколько компонентов культуры и социальной системы, нарушая ее целостность и функционирование [6].

В отличие от индивидуальной, культурная травма разделяется коллективом и зачастую оказывает объединяющее воздействие на общество – жертвы объединяются на уровне эмоций, испытывая печаль, страх и гнев, а также передают схожий травматический опыт в нарративах социальных страданий [5].

Процесс культурной травматизации играет ключевую роль в формировании коллективной идентичности народа, которую можно определить как форму осознанной принадлежности человека к некоему «мы»; причисление индивида к общности, сформированной в результате взаимодополняющих и взаимозависимых созидаательных и деструктивных социокультурных процессов (подражание, адаптация, сотрудничество, консолидация и противопоставление, разобщение, конфликт) [7].

Разрушительный коллективный опыт может объединить народ вокруг негативных эмоций, сопровождающих культурной травме, что определяет и конструирует новую коллективную идентичность данного общества [6], поскольку в условиях культурной травматизации индивидами осуществляются попытки получить связность и согласованность из травмирующего опыта [5]. А. Нил выделяет три основных эмоциональных реакции на коллективную травму у общества: 1) чувство страха и уязвимости; 2) чувство печали и скорби; 3) чувство гнева и враждебности [5].

Коллективная идентичность в лингвистических исследованиях

Согласно теории Э. Эрикsona, в основе идентичности индивида лежат два положения: 1) ощущение тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве; 2) осознание того факта, что эти тождество и непрерывность признаются окружающими [8, с. 59]. Такое понимание термина позволяет говорить о том, что идентичность формируется в сознании индивида во время получения определенного жизненного опыта и выражается с помощью его речи [9].

Ученые выделяют два типа идентичности: индивидуальную (персональную) и коллективную (групповую). В лингвистических исследованиях персональная идентичность рассматривается в рамках двух ключевых научных траекторий: 1) при изучении языкового (речевого) портрета личности [9]; 2) в рамках исследований, связанных с межкультурной коммуникацией, ввиду того, что в иноязычной среде человек осознанно делает выбор между «своим» и «чужим», что впоследствии определяет развитие его персональной и этнической идентичности [10, с. 98].

П. Бергер и Т. Лукман ставят под сомнение само выделение индивидуальной идентичности и рассматривают идентичность как элемент объективной и

субъективной реальности. Другими словами, в каждом обществе существует несколько определенных видов идентичности, сформировавшихся в ходе исторических, социальных и культурных процессов, которые проявляются в конкретных индивидуальных случаях [11].

Связь между коллективной идентичностью и языком является одной из наиболее актуальных проблем в гуманитарных науках. В современном мире, в условиях усилившейся миграции и глобализации национальная идентичность затрагивает вопросы самоопределения, самосохранения и поддержания культуры. При этом язык «выступает как орган коллективного мышления» [12, с. 104].

Язык является центральным элементом коллективной идентичности, будучи одновременно как связующим, так и разграничающим фактором для разных групп. Кроме того, язык и групповая идентичность оказывают взаимное влияние друг на друга: средства языка формируют коллективную идентичность, а коллективная идентичность определяет использование языка членами данного коллектива [13].

Многие лингвисты отмечают, что язык является ключевым фактором при формировании групповой идентичности, а выбор языка становится «фундаментом», на который опираются другие образующие социокультурные факторы [14].

С лингвистической точки зрения, изучение коллективной идентичности осуществляется за счет исследования языковой картины мира. Так, в языке могут проявляться те черты внеязыковой действительности, которые являются важными для носителей коллективной идентичности [15].

Исследование коллективной идентичности также происходит с помощью рассмотрения ключевых концептов, которые становятся объединяющим фактором для членов социальной группы через создание чувства «общности» и принадлежности к одному социокультурному пространству. Так, представляют интерес закрепленные в языке лингвокультурологические типажи, которые являются наиболее узнаваемыми образами в определенной лингвокультуре [9].

Анализ нарративов социальных страданий как метод изучения травмирующего опыта

На сегодняшний день нарратив изучается не только в рамках нарраталогии, но и за ее пределами, в естественных и гуманитарных науках – медицине [16], психологии [17], истории [18], социологии [19]. Нарратологи объясняют значительное увеличение нарративных исследований осознанием важности повествований в человеческой жизни [19], поскольку целью нарратива становится формирование и восстановление целостности идентичности индивида или коллектива, конструирование социальной реальности,

а также анализ и интерпретация внутреннего мира человека [16].

Репрезентация культурной травмы в языке может принимать разные формы, однако преобладающим способом становится так называемый «нарратив социальных страданий» – термин, введенный Дж. Александром. Нарративы социальных страданий – это «особый тип нарративов национального наследия, с помощью которого члены группы могут поделиться своими переживаниями с потомками» [4, с. 136]. Языковые особенности травматизации проявляются наиболее ярко именно в нарративах о травме, так как они являются основным коммуникативным пространством трансляции травматического опыта.

Нарративы социальных страданий могут строиться вокруг: 1) образов национальных героев для культивации чувства гордости за свою страну и национальную идентичность; 2) вокруг жертв травматического события для провоцирования эмоции со-переживания и подчеркивания бессмыслицы подобных исторических событий; 3) вокруг виновных в травматическом событии для конструирования дискурса сожаления, в рамках которого транслируется готовность взять ответственность за содеянное [20].

Нарративный анализ по своей сути – «это совокупность методов изучения текста, повествовательных конструктов, в которых язык представляется как посредник» [21, с. 40], объектом изучения выступает рассказанная история с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий [22], а предметом – смысловые единицы, формирующие структуру нарратива [23]. Так, нарративный анализ позволяет проанализировать исторические и социальные события, которые транслируются через нарративы.

Трансляция травматического опыта происходит за счет рассказов, которые реконструируют и пересматривают существующую историю. В рамках процесса языковой презентации культурной травмы Дж. Александр вводит понятие «доминирующий нарратив» (*master narrative*), в формировании которого ключевую роль играют четыре типа языковой презентации культурной травмы: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы травмы с более широкой аудиторией; 4) возложение ответственности [2].

При нарративном анализе четырех типов репрезентации культурной травмы становится возможным определить степень травмированности общества, влияние культурной травмы на язык «жертв» и «преступников», а также выявить языковые механизмы формирования коллективной идентичности травмированной группы на фоне культурной травмы.

Языковые средства конструирования латиноамериканской коллективной идентичности на фоне конкисты как культурной травмы

На первом этапе исследования проведено структурированное нарративное видеointerview с 10 респондентами из Латинской Америки. Нарративным импульсом к повествованию стали вопросы об испанской колонизации, спровоцировавшей возникновение культурной травмы как факта коллективного восприятия, усугубившего процесс формирования коллективной идентичности латиноамериканского общества.

Структурированное интервью включало в себя 13 вопросов, отражающих ключевые компоненты языковой презентации культурной травмы и проявляющихся у респондентов на рассказ о прошлом и настоящем травмированной социальной группы:

1. *Cuénteme lo que sabe sobre los eventos de la conquista española. ¿Cómo los evalúa?* Расскажите, что вы знаете о событиях конкисты. Как бы вы их оценили?

2. *¿Quiénes son los conquistadores para usted? ¿Cómo te sientes acerca de ellos?* Кто для вас конкистадоры? Как вы к ним относитесь?

3. *¿Siente el impacto de la conquista española en su país, en la cultura de América Latina y en su vida personal?* Ощущается ли влияние конкисты на вашу страну, жизнь народа, на культуру Латинской Америки и на вас лично?

4. *¿Qué impacto tuvo la colonización en la vida de las poblaciones indígenas?* Какое влияние оказала колонизация на жизнь коренного населения?

5. *¿Hay algunas historias o leyendas relacionadas con la conquista española en su familia o en su país?* Существуют ли истории или легенды о конкисте в вашей семье или стране?

6. *¿Se siente unido con su pueblo debido a este evento?* Чувствуете ли вы единение с вашим народом из-за пережитого события?

7. *¿Se siente parte de la cultura española? ¿Siente que pertenece a la cultura latinoamericana?* Чувствуете ли вы себя частью испанской культуры? Испытываете ли вы принадлежность к латиноамериканской культуре?

8. *¿Cómo llamaría en una palabra a la gente de América Latina?* Как бы вы назвали одним словом жителей Латинской Америки?

9. *¿Qué emociones siente hacia España y los españoles? ¿Qué emociones sientes hacia los latinos y América Latina?* Какие эмоции вы испытываете по отношению к Испании и испанцам? Какие эмоции вы испытываете по отношению к латиноамериканцам и Латинской Америке?

10. *¿Qué fiesta se celebra en su país el 12 de octubre y qué sabe sobre ella?* Какой праздник отмечается в вашей стране 12 октября и что вы знаете о нем?

11. *¿Cree que los españoles deben pedir perdón por la conquista?* Считаете ли вы, что Испания должна принести извинения за события конкисты?

12. *¿Cómo ve el futuro desarrollo de América Latina? ¿Cómo cambiará el idioma, la cultura?* Каким вы видите дальнейшее развитие Латинской Америки? Как изменится язык, культура?

13. *En su opinión, ¿qué relación tendrá su país con España en el futuro?* Какие, на ваш взгляд, отношения будут складываться у вашей страны с Испанией в будущем?

На втором этапе проведен нарративный анализ видеointerview, который позволил выявить специфику конструирования коллективной идентичности на фоне конкисты через презентацию событий прошлого и связанных с ними последствий в настоящем. Так, в **представлении о прошлом** было выделено 3 аспекта презентации конкисты.

1. Конкиста как трагедия. Коллективная идентичность конструируется через объединение латиноамериканцев в группу жертв культурной травмы, противопоставляющих себя антагонистам – испанским колонизаторам. Коллективная идентичность при описании исторической трагедии проявляется в общих эмоциональных реакциях респондентов – гневе, ненависти к конкистадорам и сожалении по отношению к жертвам.

Авторы нарративов о конкисте часто используют личное местоимение 1 л. мн. ч. *nosotros* (мы), его разряды (*nos, nuestro/os*), а также глаголы в 1 л. мн. ч., что говорит о том, что они соотносят себя с жертвами травмирующего события.

Испанцы-конкистадоры как группа антагонистов представляются как жестокие убийцы, колонизаторы и воры. Формируется данное представление с помощью лексики из лексико-тематических групп: «Жестокость» (*violento, agresivo, maltrato, matar, sacrificar*), «Разрушение, хищение природных ресурсов» (*devastador, destrucción, daño, hurto, destrucción de los recursos naturales*), «Дискриминация коренных народов» (*expropiación de la cultura, destrucción del patrimonio, represión, sufrimiento*). При этом происходит актуализация эмоции грусти, которая возникает как ответная реакция на воспроизведение трагических эпизодов латиноамериканской истории, связанных с жестокостью конкистадоров (примеры 1–4; здесь и далее перевод выполнен авторами статьи).

(1) *Tenían que pedir perdón porque mataron a mucha gente, sacrificaron mucha gente porque, a ver, nosotros no entendíamos su idioma.* Они должны были просить прощения, потому что они **убили** столько людей, они **принесли в жертву** столько людей, просто потому что, ну, **мы** не понимали их языка (Интервью № 3).

(2) *Robaron todo nuestro oro.* Они **украли** все **наше золото** (Интервью № 1).

(3) *Nos impusieron a seguir una religión que no era de nosotros porque teníamos otra religión propia.* Нам навязали религию, которая нам не принадлежала, потому что у нас была своя другая религия (Интервью № 3).

(4) *Fue mucha represión de parte de la conquista de parte de los españoles... La verdad, sufrieron bastante a causa de esta represión.* Было много гонений во время конкисты со стороны испанцев... По правде говоря, они сильно пострадали из-за этих гонений (Интервью № 2).

2. Конкиста как часть истории. Конструирование коллективной идентичности реализуется через выражение смирения с произошедшим, его принятие как факта прошлого, который нельзя изменить. Языковыми репрезентантами данного аспекта являются модальные глаголы со значением необходимости, возможности (*tener que, deber*), глаголы с семантикой «происшествия» (*pasar, resurgir, suceder*), глаголы с семантикой «принятия» (*aceptar, entender*). Невозможность изменений вербализована глаголом *cambiar* (изменить) в сочетании с глаголом *poder* (мочь) в форме отрицания (примеры 5–9).

(5) *Fue un contexto histórico que tenía que pasar, tenía que resurgir, tenía que suceder.* Это была историческая ситуация, которая должна была случиться, должна была возникнуть, должна была произойти (Интервью № 3).

(6) *Es parte de la historia, no es algo que se puede cambiar.* Это часть истории, ее нельзя изменить (Интервью № 3).

(7) *Pedir perdón no cambie nada la historia.* Извинения никак не изменят историю (Интервью № 4).

(8) *Es un legado cultural-histórico que ya no se puede cambiar.* Это культурно-историческое наследие, которое уже нельзя изменить (Интервью № 5).

(9) *Nosotros lamentablemente ya no podemos volver al pasado a cambiarlo.* Мы, к сожалению, уже не можем вернуться в прошлое, чтобы изменить его (Интервью № 5).

3. Конкиста как стимул к формированию латиноамериканской культуры. Коллективная идентичность конструируется через упоминание объединяющих положительных перемен, вызванных конкистой и ставших базисом для формирования современной латиноамериканской культуры: развитие новых элементов культуры, религии, технологический прогресс, испанский язык. Вербализациями данного аспекта формирования коллективной идентичности стали языковые единицы из лексико-тематических групп «Улучшение, развитие» (*mejorar, avanzar, cambiar, desarrollar*), «Элементы культуры» (*idioma, cultura, tecnología, religión, sincretismo cultural*) – примеры 10–12.

(10) *Obviamente es bueno porque por eso tenemos nosotros el idioma, la cultura, la tecnología, la religión...* Очевидно, это было к лучшему, потому что именно поэтому у нас есть язык, культура, технологии, религия... (Интервью № 1).

(11) *Hubieron aspectos positivos y negativos, por ejemplo aspectos positivos como la tecnología, aprendieron un nuevo idioma.* Были как положительные, так и отрицательные стороны, например, положительные аспекты, такие как технологии, изучение нового языка (Интервью № 3).

(12) *Hay un sincretismo cultural entre la cultura española y latinoamericana a diferencia, por ejemplo, de lo que fue colonización de América del Norte.* Существует культурный синкретизм между испанской и латиноамериканской культурами, в отличие, например, от того, что было во время колонизации Северной Америки (Интервью № 5).

В представлении о настоящем коллективная идентичность граждан Латинской Америки конструируется через противопоставление испанской культуре в оппозиции «свой» – «чужой».

1. Представление о «своих» – Латинской Америке и латиноамериканцах – однозначно положительное. Позитивная самопрезентация актуализируется в речи респондентов через подчеркивание таких положительных качеств, как любовь к жизни, открытость и веселый нрав, что выражается с помощью прилагательных и существительных с положительной оценочной семантикой: *cálido* (теплый), *abierto* (открытый), *feliz* (счастливый), *alegre* (веселый), *amor* (любовь), *sonrisa* (улыбка), *alegría* (радость), *disfrutar la vida* (наслаждаться жизнью). Единство латиноамериканских народов вербализуется посредством прилагательных с соответствующей семантикой: *unido* (единный), *hermanado* (братьский). Кроме того, для описания себя информанты неоднократно используют номинацию *mestizo* (метис, полукровка), что указывает на их восприятие себя как отдельной социокультурной общности, противопоставляемой, с одной стороны, представителям бывшей метрополии, с другой – коренным народам Латинской Америки. Новая коллективная идентичность, сформировавшаяся на фоне культурной травмы, зиждется на восприятии себя в качестве новой этнической группы, появившейся в результате кровосмешения испанцев и коренных племен: *ambas culturas* (обе культуры), *la fusión* (слияние), *mezcla de ambas culturas* (смесь обеих культур) – примеры 13–20.

(13) *Muchas indígenas murieron, violaron a muchas niñas y, bueno, después de esto, se trata como el de venimos, lo que es los mestizos que somos nosotros, obviamente.* Много местных жителей было убито, много девочек изнасиловано, и после этого с нами обращаются так

же, как с теми, кто мы есть, – **метисами, которыми мы, очевидно, являемся** (Интервью № 3).

(14) *Somos prácticamente indígenas o mestizos, por así decirlo. Entonces, sigo manteniendo que somos de la raíz de ambas culturas.* Мы практически коренные жители или, если можно так выразиться, метисы. Итак, я продолжаю утверждать, что мы происходим из корней обеих культур (Интервью № 4).

(15) *Todos somos prácticamente de la misma raza, somos todos mestizos, se podría decir porque indígenas casi ya no hay, mayoritariamente ya es la fusión.* Мы все практически одной расы, мы, можно сказать, все полукровки, потому что коренных жителей почти не осталось, по большому счету мы – некая смесь (Интервью № 4).

(16) *No deberíamos apegarse a cierta cultura como española o indígena porque cuando llegaron los españoles, hubo esta mezcla de ambas culturas.* Mi país se conoce como **el país de los mestizos**. Мы не должны привязываться к определенной культуре, будь то испанская или культура коренных народов, потому что, когда пришли испанцы, произошло **смешение двух культур**. Моя страна известна как **страна метисов** (Интервью № 7).

(17) *Y también somos muy unidos. Creo que eso nos representa bastante como la unión.* И мы также **очень едины**. Я думаю, что это в значительной степени характеризует нас как **союз** (Интервью № 3).

(18) *Por fuerza mayor nos debía mantener unidos y no tenernos como enemigos.* Перед непреодолимой силой мы должны были **держаться вместе**, а не считать друг друга врагами (Интервью № 4).

(19) *Los latinoamericanos somos como más hermanados.* Мы, латиноамериканцы, **больше как братья и сестры** (Интервью № 5).

(20) *Hay un sentimiento de hermandad entre los países que nos une.* Между странами есть чувство **братьства**, которое нас **объединяет**.

2. Отношение к испанцам как к группе «чужих» – неоднозначное. С одной стороны, они характеризуются с помощью положительных лексических единиц, вербализующих позитивные и прогрессивные социальные изменения: *avanzado* (продвинутые), *país del primer mundo* (страна первого мира), *vida mejor* (лучшая жизнь). С другой – современную Испанию обвиняют в том, что она «отрекается» от своей истории, умалчивает вопиющие факты насилия, происходившие в эпоху колонизации. Это выражается с помощью группы языковых единиц с семантикой обвинения *juzgar* (осуждать), *criticar* (критиковать), *culpa* (вины) и глаголов памяти *renegar* (отречься) и *olvidar* (забыть) – примеры 21–24.

(21) *En cambio la cultura española... ciertamente es mejor, es más avanzada, es primer mundo pero asimismo son un poco más serios en la vida.* С другой стороны, испанская культура... безусловно, лучше, она **более развита**, это страна **первого мира**, но в то же время они немного **серьезнее** относятся к жизни (Интервью № 1).

(22) *Siento ese resentimiento de “Por qué estamos festejando esto si mataron a nuestros antepasados?”* Я чувствую **обиду**, «Зачем мы это празднуем, если наших предков убивали?» (Интервью № 3).

(23) *Hay quienes que son antiespañoles y españoles que dicen “Eliminemos todos los indígenas”.* Есть люди, **выступающие против испанцев**, и испанцы, которые говорят: «Давайте уничтожим все коренные народы» (Интервью № 5).

(24) *España también tiene algo de culpa porque ha quedado renegar su historia.* Испания также **виновата**, потому что **отреклась от своей истории** (Интервью № 5).

В таблице представлены языковые единицы, конструирующие коллективную идентичность латиноамериканцев.

Таблица

Языковые средства формирования коллективной идентичности латиноамериканцев на фоне культурной травмы

Представление о прошлом	
1. Конкиста как трагедия: эмоция гнева и ненависти к конкистадорам, эмоция грусти и сострадания жертвам конкисты	<p>Лексико-тематическая группа «Жестокость» (насилие, убийство): <i>violento</i> (жестокий), <i>cruel</i> (бесчеловечный), <i>agresivo</i> (агрессивный), <i>maltrato</i> (жестокое обращение), <i>asesinato</i> (убийство), <i>violencia</i> (насилие), <i>exterminio</i> (истребление), <i>muerte</i> (смерть), <i>eliminar</i> (устранять), <i>matar</i> (убивать), <i>sacrificar</i> (приносить в жертву), <i>violar</i> (насильовать), <i>asesinar</i> (убивать), <i>cometer atrocidades</i> (совершать зверства), <i>ocupar</i> (захватывать), <i>abusar</i> (жестоко обращаться).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Разрушение, хищение природных ресурсов»: <i>devastador</i> (разрушительный), <i>destrucción</i> (разрушение), <i>daño</i> (ущерб), <i>hurto</i> (кражи), <i>destrucción de los recursos naturales</i> (уничижение природных ресурсов), <i>falta de recursos</i> (нехватка ресурсов), <i>oro</i> (золото), <i>plato</i> (серебро), <i>cobre</i> (меди), <i>robar</i> (воровать) <i>acabar</i> (уничижать).</p> <p>Отрицательные оценочные прилагательные: <i>malo</i> (печальный), <i>terrible</i> (ужасный).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Дискриминация коренных народов»: <i>expropiación de la cultura</i> (экспроприация культуры), <i>destrucción del patrimonio</i> (разрушение наследия),</p>

Окончание табл.

	<i>represión</i> (гонения), <i>sufrimiento</i> (страдания), <i>eliminación de la cultura indígena</i> (уничтожение культуры коренных народов), <i>persecución</i> (преследование), <i>sacrificio</i> (потери), <i>vejación</i> (притеснение), <i>esclavismo</i> (рабство), <i>esclavizado</i> (порабощенный), <i>sometido</i> (покоренный), <i>invadir</i> (вторгаться), <i>capturar</i> (захватывать), <i>imponer</i> (навязывать), <i>someter</i> (подчинять), <i>sufrir</i> (страдать), <i>conquistar</i> (колонизировать)
2. Конкиста как часть истории: эмоция смирения	<p>Лексико-тематическая группа «История»: <i>historia</i> (история), <i>parte de la historia</i> (часть истории), <i>evento del pasado</i> (событие прошлого), <i>contexto histórico</i> (историческая ситуация), <i>llegado cultural-histórico</i> (культурно-исторический момент), <i>resentimiento histórico</i> («историческая обида»).</p> <p>Модальные перифразы со значением необходимости: <i>tener que</i> (быть должным), <i>deber</i> (бытьенным).</p> <p>Глаголы с семантикой «происшествие»: <i>pasar</i> (случаться), <i>resurgir</i> (возникнуть), <i>suceder</i> (происходить).</p> <p>Глагол <i>cambiar</i> (изменить) и метафорическое выражение <i>volver al pasado</i> (вернуться в прошлое) в сочетании с глаголом <i>poder</i> (мочь) в форме отрицания.</p> <p>Глаголы и фразеологические обороты с семантикой принятия: <i>aceptar</i> (принимать), <i>entender</i> (понимать), <i>lo que no fue en tu año, no te hace daño</i> (исп. «то, что произошло давно, тебя заботить не должно»)</p>
3. Конкиста как стимул к формированию латиноамериканской лингвокультуры	<p>Лексико-тематическая группа «Улучшение, развитие»: <i>bueno</i> (хороший), <i>positivo</i> (положительный), <i>mejorar</i> (улучшать), <i>avanzar</i> (двигать вперед), <i>cambiar</i> (менять), <i>desarrollar</i> (развивать), <i>aprender un nuevo idioma</i> (изучать новый язык).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Элементы культуры»: <i>idioma</i> (язык), <i>cultura</i> (культура), <i>tecnología</i> (технологии), <i>religión</i> (религия), <i>ganadería</i> (животноводство), <i>catolicismo</i> (католичество), <i>cristianismo</i> (христианство), <i>construcción</i> (строительство), <i>iglesia</i> (храм), <i>leyenda</i> (легенда), <i>sincretismo cultural</i> (культурный синкретизм)</p>
Представление о настоящем	
1. Представление о «своих» – Латинской Америке и латиноамериканцах	<p>Лексические единицы с положительной коннотативно-оценочной семантикой: <i>cálido</i> (пер. теплый), <i>abierto</i> (открытый), <i>feliz</i> (счастливый), <i>alegre</i> (радостный), <i>bueno</i> (хороший), <i>grato</i> (приятный), <i>carismático</i> (харизматичный), <i>amor</i> (любовь), <i>sonrisa</i> (улыбка), <i>alegría</i> (радость), <i>energía</i> (энергия), <i>felicidad</i> (счастье), <i>ver la vida en positivo</i> (смотреть на жизнь позитивно), <i>disfrutar la vida</i> (наслаждаться жизнью).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Единство»: <i>hermandad</i> (братьство), <i>unido</i> (единый), <i>hermanado</i> (братский), <i>común</i> (общий), <i>mismo</i> (одинаковый), <i>parecido</i> (похожий), <i>unir</i> (объединять), <i>relacionar</i> (связывать), <i>mantener unidos</i> (держаться вместе).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Смешение культур»: <i>mestizo</i> (метис, полукровка), <i>fusión</i> (слияние), <i>mezcla</i> (смешение), <i>prácticamente indígenas</i> (практически коренные), <i>la raíz de ambas culturas</i> (корень обеих культур), <i>misma raza</i> (одна раса)</p>
2. Представление о «чужих» – Испании и испанцах	<p>Лексические единицы с семантикой обвинения: <i>juzgar</i> (осуждать), <i>criticar</i> (критиковать), <i>exigir disculpas</i> (требовать извинений), <i>resentimiento</i> (обида), <i>culpa</i> (вина), <i>renegar</i> (отрекаться), <i>olvidar</i> (забыть), <i>antiespañol</i> (анти-испанский), <i>extremista</i> (экстремистский).</p> <p>Лексико-тематическая группа «Развитие»: <i>avanzado</i> (продвинутый), <i>primer mundo</i> (первый мир), <i>trabajo</i> (работа), <i>dinero</i> (деньги), <i>vida mejor</i> (лучшая жизнь), <i>emigración</i> (эмиграция), <i>migrar</i> (мигрировать), <i>viajar</i> (путешествовать), <i>trabajar</i> (работать)</p>

Заключение

Таким образом, коллективная идентичность в рамках теории культурной травматизации формируется за счет смены порядка в социальной сфере и изменения культурных ориентиров в результате некоего травмирующего события. На начальных этапах коллективная идентичность нарушается за счет возникновения культурной травмы, однако в дальнейшем травма способствует ее реконструкции с учетом нового общего опыта, объединяя людей вокруг единого источника проблемы. Коллективная идентичность может быть сформирована на эмоциональном уровне – вокруг коллективного страха или скорби, вызванных культурной травмой, а также может проявиться

в виде национального гнева, направленного на источник травмы – группу антагонистов.

Коллективная идентичность латиноамериканцев на фоне культурной травмы, вызванной испанской колонизацией, формируется на эмоциональном, когнитивном и языковом уровнях. На эмоциональном уровне индивиды объединяются общими эмоциями гнева, грусти, скорби и сожаления. На языковом уровне актуализируется оппозиция «свой» – «чужой» в виде противопоставления латиноамериканской лингвокультуры лингвокультуре испанской посредством позитивной самопрезентации и дискриминации «чужих» – антагонистов. Когнитивный уровень латиноамериканской языковой личности формирует

новые базовые элементы культуры, которые определяются ценностями свободы, братства и единения народов латиноамериканского континента и особым мировоззрением и мироощущением, позволившим обособить латиноамериканцев как отдельный коллектив, появившийся в результате смешения испанской культуры с традициями и обычаями коренных народов Латинской Америки. Антииспанские культурные ориентиры, появившиеся после конкисты и усилившее процесс реконструирования латиноамериканской коллективной идентичности, закрепляются в культурной памяти народа и передаются в форме доминирующих нарративов, транслирующих травмирующий опыт бывших испанских колоний.

Полученные результаты вносят практический вклад в нарративные исследования языка, а также помогают получить наиболее полное представление о влиянии конкисты на ход развития мировой истории и установить новые причинно-следственные связи между теми или иными событиями. В качестве перспектив исследования видится возможность анализа невербальных средств конструирования коллективной идентичности в имеющихся видеointервью при помощи вспомогательного программного обеспечения *Elan* и *Praat*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крылов К. Е. От реконкисты к конкисте – предпосылки создания испанской колониальной империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. Вып. 1. С. 137–141.
2. Alexander J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity / ed. by Berkeley. California : University of California Press, 2004. Pp. 1–30.
3. Sztompka P. Cultural Trauma : The Other Face of Social Change // The European Journal of Social Theory. 2000. Vol. 3, Issue 4. Pp. 449–466.
4. Горностаева Ю. А. Языковые маркеры культурной травмы в нарративах социальных страданий (на материале нарративов мексиканцев об испанской конкисте) // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. Вып. 3. С. 130–146.
5. Neal A. National Trauma and Collective Memory. Armonk ; NY : Sharpe, 1998. 224 p.
6. Smelser N. J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. A Cultural Trauma and Collective Identity // University of California Pres. 2004. Pp. 31–59.
7. Симонян Э. Г. Кризис коллективной идентичности и культурная травма // Социально-гуманитарные знания. 2019. Вып. 4. С. 172–178.
8. Эриксон Э. Идентичность : юность и кризис. М. : Прогресс, 2006. 352 с.
9. Енина Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях : когнитивный подход // Известия Уральского государственного университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Вып. 4. С. 162–168.
10. Жданова В. Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней // Русские и «русскость» : лингвокультурологические этюды. М. : Гнозис, 2006. С. 7–180.

11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

12. Кузнецова Е. В. Язык и национальная идентичность. Омский научный вестник. Общество. История. Современность. 2011. Вып. 3. С. 102–105.

13. Sachdev I., Bourhis R. Y. Language and social identification // Social Identity Theory : Constructive and Critical Advances. 1990. Vol. 211. Pp. 33–51.

14. Edwards J. Language and Identity : An introduction. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 314 p.

15. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. М. : Истоки, 2003. 59 с.

16. Барбашина Э. В. Проблемы медицинского нарратива // Идеи и идеалы. 2020. Вып. 3. С. 152–163.

17. Кадырова Р. Г. Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки ТГУ. 2012. Вып. 2. С. 126–128.

18. Тульчинский Г. Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Философский журнал. 2019. Вып. 1. С. 117–129.

19. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН, серия Социология. 2004. Вып. 1. С. 41–53.

20. Hashimoto A. The Long Defeat : Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. New York : Oxford University Press, 2015. 208 p.

21. Ярская-Смирнова Е. Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. Вып. 3. С. 38–61.

22. Троцук И. В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М. : Уникум-центр, 2006. 207 с.

23. Нечаева А. А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. Вып. 2. С. 81–93.

REFERENCES

1. Krylov K. E. Ot rekonkisty k konkiste – predposylki sozdaniya ispanskoy kolonial'noy imperii [From reconquista to conquista – premise of the creation of Spanish colonial state]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya*. 2014. No. 1. Pp. 137–141.
2. Alexander J. C. Toward a Theory of Cultural Trauma. In: *A Cultural Trauma and Collective Identity*. Ed. by Berkeley. California: University of California Press, 2004. Pp. 1–30.
3. Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. In: *The European Journal of Social Theory*. 2000. Vol. 3, Issue 4. Pp. 449–466.
4. Gornostaeva Yu. A. Yazykovye markery kul'turnoj travmy v narrativah social'nyh stradanij (na materiale narritivov meksikancev ob ispanskoy konkiste) [Linguistic markers of cultural trauma in social suffering narratives (based on mexican narratives about the spanish conquest)]. In: *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»*. 2023. No. 3. Pp. 130–146.

5. Neal A. National Trauma and Collective Memory. Armonk, NY : Sharpe, 1998. 224 p.
6. Smelser N. J. Psychological Trauma and Cultural Trauma. A Cultural Trauma and Collective Identity. In: *University of California Pres.* 2004. Pp. 31–59.
7. Simonyan E. G. Krizis kollektivnoj identichnosti i kul'turnaya travma [Collective identity crisis and cultural trauma]. In: *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2019. No. 4. Pp. 172–178.
8. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 2006. 352 p.
9. Enina L. V. Identichnost' v lingvisticheskikh issledovaniyah: kognitivnyj podhod [Identity in linguistic research: a cognitive approach]. In: *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2010. No. 4. Pp. 162–168.
10. Zhdanova V. Russkaya kul'turno-yazykovaya model' prostranstva i osobennosti individual'noj orientacii v nej [Russian cultural and linguistic model of space and features of individual orientation in it]. In: *Russkie i «russkost'*: lingvokul'turologicheskie etyudy. Moscow: Gnozis, 2006. Pp. 7–180.
11. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
12. Kuznecova E. V. Yazyk i nacional'naya identichnost' [Language and national identity]. In: *Omskij nauchnyj vestnik. Obshchestvo. Istochnika. Sovremennost'*. 2011. No. 3. Pp. 102–105.
13. Sachdev I., Bourhis R. Y. Language and social identification. In: *Social Identity Theory: Constructive and Critical Advances*. 1990. Vol. 211. Pp. 33–51.
14. Edwards J. Language and Identity: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 314 p.
15. Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i nacional'naya kartina mira. Moscow: Istoki, 2003. 59 p.
16. Barbashina E. V. Problemy medicinskogo narrativa [The problems of medical narrative]. In: *Idei i idealy*. 2020. No. 3. Pp. 152–163.
17. Kadyrova R. G. Teoriya narrativa i narrativnyj analiz v psihologii [Narrative theory and narrative analysis in psychology]. In: *Vektor nauki TGU*. 2012. No. 2. Pp. 126–128.
18. Tul'chinskij G. L. Filosofiya istorii i narrativy istoricheskoy pamyati [The philosophy of history and historical narratives of memory]. In: *Filosofskij zhurnal*. 2019. No. 1. Pp. 117–129.
19. Trocuk I. V. Narrativ kak mezhdisciplinarnyj metodologicheskij konstrukt v sovremennyh social'nyh naukah [Narrative as an interdisciplinary methodological construct of contemporary social science]. In: *Vestnik RUDN, seriya Sociologiya*. 2004. No. 1. Pp. 41–53.
20. Hashimoto A. The Long Defeat : Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan. New York: Oxford University Press, 2015. 208 p.
21. Yarskaya-Smirnova E. R. Narrativnyj analiz v sociologii [Narrative analysis in sociology]. In: *Sociologicheskij zhurnal*. 1997. No. 3. Pp. 38–61.
22. Trocuk I. V. Teoriya i praktika narrativnogo analiza v sociologii [Theory and practice of narrative analysis in sociology]. Moscow: Unikum-centr, 2006. 207 p.
23. Nechaeva A. A. Narrativnyj analiz kak metod issledovaniya kollektivnoj pamyati [Narrative analysis as a collective memory research method]. In: *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»*. 2020. No 2. Pp. 81–93.

*Сибирский федеральный университет
Горностаева Ю. А., доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации
E-mail: yulyatald@yandex.ru*

*Волчкова Д. Ю., преподаватель кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики института филологии и языковой коммуникации
E-mail: der.2016.nyah@gmail.com*

*Поступила в редакцию 9 июля 2024 г.
Принята к публикации 26 декабря 2024 г.*

Для цитирования:

Горностаева Ю. А., Волчкова Д. Ю. Языковые средства конструирования коллективной идентичности на фоне культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/69-78>

Siberian Federal University

Gornostaeva Yu. A., Associate Professor of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics Department of the School of Philology and Language Communication

E-mail: yulyatald@yandex.ru

Volchkova D. Yu., Lecturer of the Theory of Germanic and Romance Languages and Applied Linguistics Department of the School of Philology and Language Communication

E-mail: der.2016.nyah@gmail.com

Received: 09 July 2024

Accepted: 26 December 2024

For citation:

*Gornostaeva Yu. A., Volchkova D. Yu. Language means of construction of collective identity on the background of cultural trauma in Latin American narratives about the conquest. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2025. No. 1. Pp. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2025/1/69-78>*